

Ли Жун последовал за сотрудником к дверям хранилища. Сквозь искореженную жаром дверь виднелось пепелище: всё внутри было черным и обугленным, а стеллажи, где хранились документы, опасно накренились.

Всё, что касалось «Люйиньской», было уничтожено огнем.

Веки юноши дрогнули, колено невольно дернулось, словно он хотел сделать шаг вперед, но в последний миг Ли Жун отказался от этой затеи.

С тех пор как случилась беда, это был момент, когда он находился ближе всего к своим родителям — и одновременно дальше всего от них.

В прошлой жизни он шесть лет боролся за возрождение проекта, но так и не смог добиться своего. Он и представить не мог, что в самый день перезапуска потеряет «Люйиньской» навсегда.

Профессор Цзян всегда твердил ему: «Сейчас не время».

Раньше он не понимал смысла этих слов, но теперь всё осознал. Они с профессором не были единомышленниками, но и врагами — не обязательно. Цзян Вэйдэ предупреждал его: каждое приближение к цели не только погубит «Люйиньской», но и принесет беду близким Ли Жуна.

Но он не желал верить в злой рок. Чем настойчивее его отгоняли, тем сильнее он рвался вперед. Опыт прошлой жизни научил его: уступки ведут в тупик, лишь сужая жизненное пространство, пока тебя окончательно не сотрут как помеху. Только сила дает право сидеть за общим столом и диктовать условия.

Сотрудник покосился на юношу и негромко произнес:

— Причины пожара выясняются. Посмотрим, удастся ли спасти хоть что-то.

Ли Жун промолчал. Во всём здании выгорело дотла лишь это помещение — цель диверсии была очевидна. И он не сомневался: расследование не даст результатов. Ведь если правда не устраивает большинство, её просто заменят на ту ложь, которую все согласятся принять.

— Уходим, — он отвернулся, не желая больше смотреть на разбитые остатки «Люйиньской».

— Хорошо. — Цэнь Сяо крепче сжал его руку.

В его душе бушевал вихрь мыслей, но он не знал, как облечь их в слова. Снова и снова Ли Жуну приходилось сохранять ледяное спокойствие перед лицом сокрушительной реальности, заставляя себя подниматься после каждого удара. Казалось, он вовсе не тратил сил на переживания или осмысление боли. Юноша просто знал: жалость к себе не даст нужного результата.

Но почему именно ему выпала эта доля? В возрасте, когда сверстники наслаждаются студенческой жизнью, а их главными заботами становятся экзамены и свидания, Ли Жун вынужден сражаться за выживание среди нескончаемых потрясений.

Мир был вопиюще несправедлив.

Цзянь Фу и Линь Цинь в машине изнывали от беспокойства. Линь Цинь несколько раз порывался выскочить, но друг удерживал его.

— Ты забыл, что теперь большая звезда? — осадил его Цзянь Фу. — Если выйдешь, устроишь столпотворение.

Линь Цинь метался, не зная, куда деть руки:

— Сяочуань даже бросилась в огонь, чтобы спасти документы... Представь, как страшно там было.

— Никогда бы не подумал, что Сяочуань такая рискованная, — попытался Цзянь Фу разрядить обстановку. — К счастью, она не пострадала, значит, боги к нам милостивы.

Линь Цинь понимал, что тот просто пытается его утешить, но успокоиться не мог. Сегодняшнее происшествие — риск для жизни Цзи Сяочуань и уничтожение препарата — было недвусмысленным предупреждением. Он-то наивно полагал, что с падением Чжэн Чжупаня всё закончится. Похоже, он слишком переоценил ситуацию.

Линь Цинь покачал головой:

— Раньше я думал, что наш главный враг — Чжэн Чжупань. Я ошибался.

Тот был заносчив и недооценивал противника; его подлый план против Ли Цинли и Гу Нун, пожалуй, стал пиком его интеллектуальных способностей. План не был изящным — он во многом опирался на совпадения. Если верить Чжай Нин и тому, что Чжоу Хун не знал о сиротах с хроническими заболеваниями, включённых в первую фазу испытаний, то в изначальном плане Чжэн Чжупаня их смерть даже не учитывалась.

Ситуацию довершила общественная среда того времени. Ведь чем сильнее создаваемый образ божества, тем яростнее потом его будут свергать. Популярность Ли Цинли вызывала зависть у многих, и Чжэн Чжупань был лишь самым заметным среди них.

А те, кто, подобно Ли Байшоу, скрывались в тени? Прикрываясь масками добродетели и заботы о «высшем благе» под эгидой Института «Хунсо» и Торговой палаты «Ланьшу», они безучастно наблюдали за гибелью невинных.

— Ты не ошибся, — подал голос Цзянь Фу. — Чжэн Чжупань действительно враг, он стал тем фитилем, от которого всё вспыхнуло. Но...

Линь Цинь посмотрел на него в замешательстве. Собеседник пожал плечами и легонько похлопал его по плечу:

— Мой отец и дядя Цэнь были против нашего участия, потому что видели: когда семья Ли попала в беду, «Хунсо» промолчал, а Девятый район даже не шелохнулся. Это значит, что по крайней мере те, кто определяет правила игры, не были заинтересованы в правде. Большинство людей поверили сплетням, но была одна истина: неудача в разработке лекарства — это путь, через который проходит наука. Это не чья-то личная вина. Требовать отсутствия ошибок — абсурд и неуважение к реальности. Они все это знали, это основы их работы, но они промолчали.

— Потому что нож занесли не над их головами, — горько подытожил Линь Цинь.

Его чувствительная натура заставляла остро переживать каждое слово. Если даже Цзянь Фу осознавал это, то Староста понял всё давным-давно. Какое отчаяние он должен был испытывать в мире, где даже порядочные люди предпочитают отвернуться?

Как Ли Жун выстоял один?

Линь Цинь боялся даже представить себя на его месте. Он бы не выжил — по крайней мере, не сразу. Он бы угас в какой-нибудь тихий солнечный полдень, когда случайная мелодия, фраза или картина окончательно оборвали бы последнюю нить желания жить.

— Сейчас ветер переменился, — продолжил Цзянь Фу тоном умудренного опытом старика. — Все вдруг начали тосковать по Ли Цинли и Гу Нун. Те, кто раньше молча стоял в стороне, оказались в неловком положении. Обычные пользователи сети не могут ничего изменить, но люди из «Хунсо» и «Ланьшу» могли. Они могли сказать слово в защиту, могли восстановить справедливость, но позволили событиям идти своим чередом. И теперь на них висит клеймо моральных соучастников.

Если «Люйиньсюй» действительно искоренит бактериальную прогеррию, Ли Цинли и Гу Нун станут «идеальными жертвами». Мертвые не ошибаются, они станут святыми, а те, кто причинил им вред, предстанут перед судом общественности. Чтобы не допустить этого, эти

люди вынуждены сплотиться. Теперь они — одна команда: триумф препарата станет их общим позором.

— Признать ошибку не страшно. Этому учат еще в детском саду, — съязвил Линь Цинь.

— Наверное, пока они ходили в детский сад, они так и делали, — кивнул юноша.

Линь Цинь замолчал, понутив голову. Он, Сяочуань и тётя Хуэй пошли за Старостой, потому что верили в идеалы. Но пропасть между мечтой и реальностью причиняла невыносимую боль.

— Эй, звездочка, чего киснем? — Цзянь Фу ткнул его пальцами в щеки, оставляя красные пятна на месте ямочек.

— Перестань, больно же, — тот попытался увернуться, потирая лицо.

Цзянь Фу по-хозяйски приобнял его за плечи, притягивая к себе:

— Расслабься. Ты правда думаешь, что наша Панда стремится только к очищению имени родителей?

Линь Цинь замер, заинтригованный. В этот момент он даже не заметил, насколько близко они сидят.

— Он хочет сбросить тех, кто занимает свои места незаслуженно, — прошептал Цзянь Фу с хитрым блеском в глазах. — Если правила его не устраивают, он установит свои.

— Ты хочешь сказать...

— Думаешь, мой отец и дядя Цэнь начали помогать нам только потому, что не смогли сладить с нами? — ухмыльнулся собеседник. — Способности Панды видны многим, хоть о них и не кричат. Они просто заранее протягивают руку будущему хозяину Института «Хунсо».

Линь Цинь смотрел на него широко раскрытыми глазами. Он привык считать Цзянь Фу легкомысленным, а оказалось... Оказалось, тот просто вырос в этой среде и привык к вещам, которые шокировали Линь Циня. Он видел всё насквозь, но умудрялся оставаться жизнерадостным и полным энергии.

Хорошо.

«Внесу это в копилку достоинств моего придурковатого парня».

Хотя Цзи Сяочуань уже оказали помощь, её всё же настояли отправить в больницу. Директор Чжай встретила её уже на выходе из ожогового отделения. Она внимательно осмотрела мазь на руках девушки.

— Мажь регулярно, иначе останутся шрамы, — напутствовала врач.

— Спасибо, — поблагодарила Сяочуань.

Затем Чжай Нин перевела взгляд на Ли Жуна:

— То кровавая рвота посреди ночи, то прыжки в огонь... Вы зачастили ко мне.

— Постараемся больше не беспокоить, — с легкой улыбкой ответил он.

Врач долго смотрела на него. Она не знала всех подробностей, но понимала: произошло нечто серьезное. Но спрашивать не стала — она была слишком истощена морально и хотела просто оставаться доктором.

— Берегите себя. Молодость не вечна, так издеваться над организмом нельзя — что вы будете делать в старости?

Она понимала: такие люди живут не ради долголетия, а ради смысла.

— Хорошо, — коротко ответил юноша.

Его взгляд был спокойным, а голос ровным, словно его ничего не тревожило. Чжай Нин даже засомневалась, так ли серьезно случившееся. Она никогда не могла разгадать мысли Ли Жуна. Ей казалось, что в его годы не стоит так сильно закрываться от мира, но, возможно, не будь он таким, сегодняшняя победа была бы невозможна. В жизни за всё приходится платить.

Результат оказался таким, как и предсказывал Ли Жун. Неделью спустя пожар официально признали несчастным случаем. Детали знали лишь в следственной группе; даже сотрудники «Хунсо» довольствовались обрывками информации. Но и этого хватало, чтобы понять: случайностью здесь и не пахло. Называть диверсию случайностью и закрывать глаза на очевидное давно стало залогом выживания в их мире.

Никто не ожидал, что возрождение «Люйиньшюй» прервется так грубо — без лишних объяснений, просто через уничтожение. Но пока общественность бурлила, власти не решались объявить об этом в открытую. Следственная группа и Институт «Хунсо» вместе замалчивали новость, надеясь, что со временем интерес угаснет, и тогда можно будет выпустить сухую

заметку.

Иногда людьми легко манипулировать, а иногда их гнев становится неуправляемым. Рано или поздно игры с людскими сердцами оборачиваются против самих манипуляторов.

Ли Жун теперь был уверен: профессор Цзян не желал ему зла. Но после пожара тот не выходил на связь, и юноша не стал навязываться. Он вспомнил слова наставника перед падением Чжэн Чжупаня:

— Это пройдет, когда-нибудь «Люйиньсуй» возобновят, но не сейчас.

Профессор определенно знал: кто-то готов пойти на крайние меры, чтобы не допустить возвращения препарата. Цзян Вэйдэ умел хранить секреты, и расспрашивать его было бесполезно.

Однако Ли Жун не ожидал, что первым, кто придёт к нему, окажется Чжан Чжаохэ.

<http://bllate.org/book/15351/1573339>